
М. Горькій и Ѡ. И. Шаляпинъ.

Корр. „В. Л. пишетъ: Бѣлая ви-
ла на высокой горѣ. простая и стро-
гая. Ее знаютъ всѣ. Къ ней, не за-
трудняясь, ведетъ черноглазый маль-
чикъ изъ отеля и улыбается. И улы-
баются при имени Горькаго всѣ ита-
льянцы на Капри своей широкой и ми-
лой улыбкой взрослыхъ дѣтей. Его
любятъ въ этомъ голубомъ дѣвѣту-
щемъ раю. За что, — они знаютъ по-
томъ, если знаютъ.

Конѣцъ апрѣля. Мягко и нѣжно ласкаетъ итальянское солнце, и окна открыты, и розы зацвѣтають, а Горькій кашляетъ глухимъ подозрительнымъ кашлемъ и, точно смущаясь, плотнѣе застегиваетъ воротникъ.

„Садитесь, очень радъ познакомиться“.

Комната похожа на келью. Свѣтлыя стѣны, прямая легкая мебель, полки съ книгами, и въ простой длинной рамѣ снимки съ картинъ, гобеленовъ и портреты. Важной и медленной поступью ходитъ ручной попугай. Онъ взбирается на колѣни, потомъ на плечо къ Горькому и нѣжно прижимается гладкой зеленой головкой къ его щекѣ.

„Это моя зеленая курица, мой истинный другъ“, говоритъ Горькій и улыбается.

— Вамъ, навѣрное, надоѣдаютъ газетчики?

„Ахъ, я газетчиковъ, вообще, не принимаю. И такъ слишкомъ много обо мнѣ говорятъ и пишутъ, и чаще неправду. Вотъ, напр., написали, что я былъ на первомъ представленіи новой пьесы Аннунціо. А я не былъ и не пошелъ бы, и ну его ко всѣмъ чертямъ“.

— Вы не любите Аннунціо?

„Нѣтъ. Да и вообще, его не любятъ здѣсь. Онъ деспотъ, любитъ его только аристократія“.

„Въ итальянской литературѣ есть много интереснаго“, продолжаетъ онъ. Вотъ, напр., сотрудникъ „Вѣсовъ“ Палини,—удивляюсь, отчего его въ Россіи до сихъ поръ не перевели—у него есть прекрасныя тонкія вещи. Изъ критиковъ—Поэти.

А что же въ Россіи новаго? Издали начинаешь очень любить ее. Это огромная потенциальная сила. Я не націоналистъ, не думайте, но, вѣдь, правда,—русскихъ и англичанъ не поставишь рядомъ, какъ итальянцевъ, нѣмцевъ или французовъ. И литература русская хорошая, самая богатая въ современности. И русскую литературную молодежь я люблю. Подумать только, какія необъятныя пространства захватила она отъ Андреева до Брюсова, или отъ Кузьмина до Куприна.

А скоро ли кончитъ Валерій Брюсовъ „Огненнаго ангела“? Я сейчасъ читаю нѣсколько романовъ той эпохи, но работа Брюсова, конечно, культурнѣе и выше“.

— Да, онъ будетъ большимъ поэтомъ.

Я говорю, будетъ потому, что, мнѣ кажется, сейчасъ онъ не вполне опредѣлился, а все мучительно ищетъ чего то настоящаго, послѣдняго своего“.

„Вы навѣрно удивитесь“, чуть-чуть улыбается онъ, „но не люблю я Соллогуба... Написалъ хорошую книгу—„Мелкій Бѣсъ“. Право, хорошая, цѣнная книга. И стихи его прекрасны, хотя и холодны нѣсколько по—„Навьи чары“ и всякій „Томленья къ инымъ бытіямъ“, и еще рассказы, въ „Вѣсахъ“, „Милый пажъ“ — это откровенный садизмъ, почти психопатологическіе мотивы“.

Всѣ выходящія книги читаетъ Горькій и расцѣнивается въ нихъ съ безпристрастіемъ, исключаяющимъ всякую партійность.

„Читалъ я сборникъ „Жизнь“ и не понимаю“.

По лицу его пробѣгаетъ смутное выраженіе не то смущенія, не то негодованія.

„Что тамъ написали Арцыбашевъ и Купринъ... Все женщинъ насилуютъ,—не понимаю. А главное, неправдоподобно и скучно“.

Онъ интересуется стилизаціей прозы, но произведенія вроде „Суламифи“ Куприна отрицаетъ совершенно.

„Помилуйте, да развѣ тамъ Соломонъ! Да это просто извозчикъ какой то. Хорошій бытописецъ Купринъ, но не трогаль бы онъ лучше „Пѣсни Пѣсней“,—это и безъ него было и будетъ хорошо“.

„Да, люблю я Россію и русскую литературу“, съ мягкой грустью говоритъ Горькій.

...Солнце заливааетъ террасу, ослѣпительно синѣетъ Средиземное море, а внизу на дорожкахъ какія-то типичныя русскія фигуры и близко такой знакомый голосъ Андреевой:

„Добрый день! Господи, изъ Москвы!“...

Наканунѣ постановки „Бориса Годунова“ въ Парижѣ, Шаляпинъ напечаталъ въ „Matin“ статью, изъ которой „Бир. Вѣд.“ приводятъ нѣсколько выдержекъ. Прославленный пѣвецъ пишетъ:

„Если-бъ я могъ писать вамъ по-русски, то гораздо лучше, чѣмъ по-французски рассказалъ бы о томъ, что такое цвѣты моей родной страны. Русская земля такъ богата смятыми цвѣтами, задушенными сѣменами!..

„Я патриотъ и люблю Россію, быть можетъ, не Россію кваса и самовара, но другую,необъятно громадный садъ, воздѣлываемый великимъ, мало-культурнымъ народомъ. Такъ много въ этомъ саду цвѣтовъ, не могущихъ распуститься...

...Вотъ предо мною афиша о „Борисѣ Годуновѣ“, и на ней славное имя Мусогорскаго, музыканта, которому приходилось выпрашивать копейки у бюрократіи, который умеръ въ больницѣ...

„Но есть еще другіе, есть Горькій, мой другъ. Давно это было! 1897 годъ! Я пѣлъ на ярмаркѣ въ Нижнемъ. Горькій зашелъ въ мою ложу. Мы не были знакомы. Онъ спросилъ: „Я слышалъ, что вы „братъ Исаака“, т. е. „изъ бродячихъ“? „Да,—отвѣтилъ я, и тутъ оказалось, что мы когда-то вмѣстѣ въ Саратовѣ работали на баржѣ носильщиками. Потомъ мы были вмѣстѣ въ Казани, я—башмачникъ, онъ—булочникъ. По воскресеньямъ дрались съ татарами, что-бъ согрѣть руки.“

Мы обнялись. И вотъ теперь, на Капри, вспоминая объ этомъ, Горькій говоритъ мнѣ: „правда, вѣдь, все это странно, почти баснословно“?

А вотъ и еще одно воспоминаніе, прямо-таки трогательное. Это было въ Нижнемъ, шесть лѣтъ тому назадъ. Горькій ночевалъ у меня въ гостиницѣ. Я просыпаюсь и вижу, онъ стоитъ у окна, въ ночной сорочкѣ, придерживаетъ портьеру и смотритъ на спящій городъ. Куполы церквей, набережная, крыши—все залито солнечными лучами. „Ты уже проснулс?—спрашиваю я его, а онъ въ отвѣтъ:

„Поди-ка сюда на минуту“. Подхожу и вижу, у него слезы въ глазахъ. Я сначала не понялъ. „Видишь,—говорить онъ — какая красота! Никого нѣтъ. Спитъ все человѣчество, создавшее боговъ и законы, все спитъ на землѣ противъ неба, а солнце, какъ дитя ничего не вѣдающее, играетъ надъ всѣмъ, что создано обществами“.

„Онъ очень добрый, Горькій, но въ тотъ моментъ я думалъ, какой онъ чистый, какъ онъ честенъ. Вспоминая объ этомъ теперь, я сознаю свой стыдъ. Мнѣ стыдно, почему я не такой чистый, какъ этотъ чистый цвѣтокъ моей страны.“